

Почему нет «войн за воду» в Центральной Азии? ЧЕМУ УЧИТ КАТАСТРОФА АРАЛЬСКОГО МОРЯ

Аналитическая записка № 410
ПОНАРС Евразия
Январь 2016 года

Натали Кох¹
Сиракузский университет

В середине 1980-х международное сообщество узнало о масштабах главного экологического бедствия в Советском Союзе. Находящееся посреди огромной центрально-азиатской степи Аральское море, бывшее когда-то четвертым по величине озером в мире, [катастрофически уменьшилось](#). После развала Советского Союза многие политологи стали опасаться, что ухудшение состояния Аральского моря может иметь тяжелые последствия для безопасности.

Преобладающим мнением в начале 1990-х было, что новые угрозы в основном будут рассеянными и придут из «нестандартных» источников. Международная взаимосвязанность могла уменьшить напряжение, но она также могла стать и проклятием, особенно в отношении природных ресурсов. Исходя из идеи «ресурсных войн» комментаторы предполагали, что мы вступали в новую эру – эру борьбы за скудные ресурсы. Эта идея была популяризирована статьями, подобными вышедшей в 1994 году в журнале «Атлантик» статье Роберта Каплана «[Грядущая анархия](#)».

Среди таких связанных с ресурсами конфликтов особо угрожающих размеров в мире быстро иссякающих запасов пресной воды вырисовывался призрак «войн за воду», и более всего в таких засушливых регионах мира, как Центральная Азия. Когда бассейн Аральского моря был поделен между рядом независимых государств, высыхающее озеро казалось главным фактором, способным поставить регион на грань войны за воду. Неправительственная организация Международная группа по предотвращению кризисов даже выпустила в 2002 году [доклад](#), посвященный этой опасности.

---

¹ [Натали Кох](#) – ассоциированный профессор факультета географии Школы гражданства и общественных дел им. Максвелла в Сиракузском университете.

В 1990-е и в начале 2000-х в условиях борьбы за контроль над ресурсами региона между недавно обретшими независимость центрально-азиатскими государствами международные организации, такие как Организация Объединенных Наций, Всемирный банк и ОБСЕ, широко инвестировали в развитие структур регионального сотрудничества в области окружающей среды, заявляя о задаче предотвращения «грядущей анархии» войн за воду в Центральной Азии.

Однако выяснилось, что ожидавшиеся в регионе войны за воду были надуманными. Хотя программы и институты по предотвращению конфликта имели некоторый позитивный эффект, все же было бы большим упрощением предположить, что эти международные институты на самом деле предотвратили развязывание войн за воду в бассейне Аральского моря. Тогда, как объяснить их отсутствие? Ответ заключается в том, что война становится вероятной не из-за дефицита самого по себе, а из-за политического климата, способствующего появлению дефицита. Политики в целом были склонны избегать конфликта. Но главное, в Центральной Азии элиты персонально наживались на потоке помощи, поступающей для развития, и спокойно позволили периферийным районам – не столичным центрам – нести бремя тяжелых последствий.

Почему не было войн за воду в Центральной Азии

Чтобы объяснить, почему не произошло столкновений из-за воды в Центральной Азии, полезно поместить этот случай в международный и исторический контексты, которые могут пролить свет на некоторые ключевые причины. Приведем для начала три причины, которые, конечно, не являются исчерпывающим списком.

1. Тезис о войнах за воду надуманный

На первый взгляд привлекательная, идея ресурсных войн в действительности имеет мало теоретических или эмпирических достоинств, особенно в отношении воды. Многие ученые показали, что практически нет таких случаев в истории, когда нехватка воды привела к вооруженному конфликту. Напротив, результатом дефицита воды более вероятно станет сотрудничество.²

² Краткое обсуждение см.: “[Dehydrating Conflict](#),” *Foreign Policy*, November 18, 2009.

Главная проблема с идеей ресурсных войн заключается в том, что она пренебрегает тем фактом, что дефицит это не «природное» явление, а политически созданное. Возьмем Аральское море, например. Не очевидно, что Центральная Азия столкнулась бы с нехваткой воды в случае, если бы кампания по освоению целинных земель не создала бы вдруг в засушливой степи спрос на потребление большого количества воды, которая перекачивалась из Амударьи и Сырдарьи, питающих море. Тысячи километров каналов и траншей (без укрепления дна и стен) могли бы быть не прорыты и те 60% воды, которые были потеряны в результате испарения и просачивания, могли бы дойти до моря или до людей, живущих в низовье рек.

«Дефицит» воды в советской Центральной Азии был, таким образом, результатом многих политических решений и действий – от высокопоставленных правительственных проектировщиков до местных земледельцев. Но столкновений из-за нехватки воды в советской Центральной Азии не ожидали, потому что весь регион был частью одной страны, которая инвестировала в развитие внутригосударственного сотрудничества. Политический контекст был самой важной причиной того, что дефицит не привел к столкновениям.

В более общем смысле, как показали географы и другие специалисты по экологии, дефицит никогда не является *причиной* насилия, но он выступает *промежуточной переменной*, которая может иметь результатом насилие. Вероятной войну делает политический климат, в котором появляется дефицит, а не дефицит сам по себе. После того как Центральная Азия перешла в пост-советский период, политический климат в регионе все еще не способствовал возникновению межгосударственного конфликта, потому что (о чем говорится в следующем пункте) оказалось, что сотрудничество по использованию воды дает много выгод для государств.

2. Совместное использование воды и сотрудничество создало новые возможности для центрально-азиатских государств

Предсказания войн за воду в Центральной Азии часто были привязаны к вопросу о том, как государства региона обращались бы с водой как общим ресурсом в условиях, когда устанавливались новые барьеры и границы. Катастрофа Аральского моря внезапно превратилась из «внутриполитического» водного кризиса в проблему межгосударственных отношений для региона, где вновь получившие независимость государства соперничают за право на воду из рек, впадающих в море.

Если не учитывать географию, эта перспектива имеет смысл. Однако благодаря своему местоположению только государства, расположенные в верховье, где реки берут исток, такие как Таджикистан, могут использовать много воды, тогда как до стран в низовье рек доходит уже остаток. В свою очередь, для государств низовья, таких как Узбекистан, наличие обширных сельскохозяйственных земель означает, что они могут предложить продовольствие и другую продукцию сельского хозяйства, недоступную или более дорогую в горных государствах. Для стран и верховья, и низовья, таким образом, доступ к

воде создает значительные возможности для переговоров. Страны низовья никогда не выступают просто пассивными жертвами, равно как и страны верховья не обязательно противостоят соседям.

Политики в обоих случаях намного более склонны избегать конфликта и, напротив, активно работать над тем, чтобы добиться желаемого – будь то вода или что-то другое, что можно получить в обмен на воду, например, субсидируемую сельскохозяйственную продукцию. И для этого они будут проводить всевозможные переговоры, закулисные сделки и даже силовые акции. Выбрать войну означало бы свести на нет эти возможности.

В свою очередь, как отмечалось выше, международные организации помощи в 1990-е годы были особенно озабочены сдерживанием конфликта из-за водных ресурсов в бассейне Аральского моря, полагая, что эта угроза надвигается и она неотвратима. В условиях, когда перспектива гибели моря считалась более или менее неизбежной, были созданы многочисленные организации для содействия межгосударственному сотрудничеству и диалогу в вопросах совместного использования воды и восстановления прибрежных районов (такие, как учрежденная совместно Всемирным банком и ООН Программа бассейна Аральского моря). Участие в этих инициативах часто давало существенные экономические стимулы для переживающих в это время трудности экономик региона.

По иронии судьбы международное вмешательство действительно «работало» с точки зрения поддержания стабильности – хотя и по ложным причинам и не для тех людей. Наверное предсказуемо, большие и малые суммы, выделенные на проекты, попали в руки элит. Воспринятые элитами как новая возможность обогащения, программы по предотвращению конфликтов и оказанию помощи в связи с катастрофой Аральского моря способствовали поддержке элит и дальнейшему укреплению местных патронажных сетей вокруг администраторов водных ресурсов. Однако международные доноры вскоре потеряли терпение в отношении региональной коррупции, видя, как деньги на оказание помощи обогащали политиков, и большинство проектов распались к началу 2000-х.

3. Ставки слишком низки для вооруженного конфликта из-за водных ресурсов в Центральной Азии

Учитывая экономические и политические возможности, которые сотрудничество представляло элитам, конфликт был не в их интересах. Кроме того, тяжелые последствия катастрофы Аральского моря и плохое управление водными ресурсами в регионе всегда сказывались не на всех в равной мере. Когда в дома к людям не поступает вода или когда земледельцы лишаются воды в важное для выращивания урожая время, или когда люди страдают от респираторных заболеваний из-за пыльных бурь, содержащих пестициды – это вещи, которые действуют в непропорционально большей степени на население сельской периферии.

Как видно из интервью и этнографического исследования, проведенных мной в 2005 и 2015 годах, жители многих деревень Казахстана на севере Аральского моря остро ощущают бессилие что-либо изменить в экологической ситуации, и многие находят, что

уровень безработицы и неполной занятости в регионе – намного более тяжелый вызов, чем доступ к воде. Преобладает мнение, что проблема должна быть решена правительственными чиновниками или что на то воля Бога – есть вода или нет. В любом случае эти люди не выразили никакой склонности взять дело в свои руки посредством инициирования каких-то вооруженных действий. Такие действия, с их точки зрения, были бы хуже, чем просто бесполезны. Короче говоря, те, кого наиболее задевают региональные проблемы с водой – на кого ложится наиболее тяжелое бремя – никогда не представляли угрозы миру. В то же время элиты, которые много инвестировали в угрозу миру как средство давления, на самом деле совсем не заинтересованы в инвестировании ресурсов, которые потребовались бы для войны за воду.

Наконец, уникальный путь, проделанный в последнее время Казахстаном, также сформировал сегодняшнее отношение к водным ресурсам. Страна, будучи богата ресурсами и стараясь развивать несельскохозяйственные секторы, смогла уйти от наиболее водозатратной продукции, такой как хлопок, пшеница и рис – в отличие от ее южного соседа, Узбекистана. В сочетании с проектом Всемирного банка по строительству дамбы между Северным Аральским морем и Южным Аральским морем, это позволило правительству сократить использование воды Сырдарьи и способствовало наполнению Северного Арала. Несмотря на то, что Северный Арал составляет только 10% от изначальной площади всего моря, правительство Казахстана представило его восстановление как большую победу, и хотя в регионе все еще господствует бедность, условия здесь постепенно улучшаются. В общем, способность Казахстана идти другим путем – таким, который не столь жестко привязан к водным ресурсам – означает, что «дефицит» не стал главной проблемой для развития и определенно не стал жизненной угрозой, из-за которой стоило бы сражаться.

Заключение

Что нам может рассказать катастрофа Аральского моря о связанных с экологией угрозах безопасности в Евразии? Издержки и выгоды от экологических изменений, произошедших из-за обмеления Аральского моря, исторически были распределены не равномерно. Элиты, имеющие власть принимать решения в области водных ресурсов, исторически получили выгоду, а периферия, как правило, понесла главный груз издержек.

В общем это один из случаев ухудшения экологии во всей Евразии – и, конечно, во всем мире. Будь то бесхозяйственность по отношению к водным ресурсам в Центральной Азии, атомная катастрофа в Чернобыле или загрязнение тяжелыми металлами в Норильске – более всего это влияет, как правило, на небольшие группы населения, чья родная земля и сами их тела отравляются в результате политических решений о том, как использовать природные ресурсы государства.

Как предполагает навязчивая идея 1990-х о «ресурсных войнах», сенсационные нарративы о вооруженном конфликте за обладание ресурсами могут на самом деле быть использованы скорее во вред, чем на благо. Якобы нацеленные на то, чтобы оживить среди

политиков и простых граждан заботу об окружающей среде и ограниченных ресурсах планеты, нарративы, которые преподносят дефицит как естественное – а не политическое – явление, угрожают отвлечь внимание от лежащего в основе социального и политического неравенства, которое изначально и привело к действиям, нанесшим вред окружающей среде. Таким образом, хотя отсутствие силового конфликта это всегда положительный результат, политики должны быть озабочены глубоким неравенством, на котором этот «успех» построен, и рассматривать *социальную справедливость* как более перспективную цель, чем *стабильность*, в поддержании безопасности в регионе.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. www.ponarseurasia.org